

ИСКУССТВО В ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА

Искусство. Какие образы вызывает в нашем воображении это слово? Картины, музеи, театры, выставки, консерватории и т.д. и т.п., в общем, всё противоположное церкви и молитве. Однако наукой из наук и искусством из искусств святые отцы называют Богообщение. И, конечно же, не ради красного словца называют они молитву искусством, но потому, что изначальная цель искусства в том и состояла, чтобы приближать человека к Богу.

И сказал Господь Моисею, говоря: смотри, Я назначаю именно Веселеила, сына Уриева, сына Орова, из колена Иудина; и Я исполнил его Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, работать из золота, серебра и меди, [из голубой, пурпуровой и червлёной шерсти и из крученого виссона], резать камни для вставляния и резать дерево для всякого дела (Исх.31:1-5).

Вот подлинное искусство – строительство скинии свидения (причём, строительство не только руками, но словами, пением, обрядами и т.д.), а также строительство самого себя в храм Божий (ср.1Кор.3:16), и единственный неложный источник вдохновения для такого строительства – Святой Дух. Поэтому из всех искусств важнейшим для нас, православных, является Богослужение.

И вправду, чем богослужение не искусство? Музыка, живопись, поэзия, сценическое действие – всё есть в нашем богослужении. Можно даже сказать, что богослужение это Божий театр, Божие представление, и никакого кощунства в этих словах не будет. По сути, удовлетворение всех своих эстетических потребностей человек может найти в православном богослужении.

Почему же он ищет такого удовлетворения на стороне? После иконописи любит светскую живопись, после церковного пения слушает эстрадную песню, после Псалтири читает поэзию Пушкина, после церковной службы смотрит художественный фильм? Хочется чего-то новенького? Или тяжело пребывать в постоянном общении с Богом? И почему Бог попускает быть искусству не церковному, т.е. ищущему вместо Богоугождения другую цель – человекоугождение?

Вопрос о том, почему человек ищет секулярного, светского, развлекающего, лёгкого искусства, решается легко. Потому что природа наша падшая. И она падает всё ниже и дальше от Бога. Но почему Бог попускает быть такому искусству? Потому ли только, что Он – многомилостив и терпеливо ждёт обращения заблудших? Или потому, что хочет посредством даже такого человекоугодного искусства научить Свои создания «разумному, доброму, вечному»?

На вопрос о том, почему Христос попускает быть светскому искусству, а не запрещает его существование, как в ветхозаветные времена, когда творение кумиров преследовалось по закону вплоть до побиения камнями, можно ответить с помощью того же Ветхого Завета. Когда древние евреи вошли в землю обетованную, завоевали и заселили большую её часть, то есть во времена Судей, тогда *воспылал гнев Господень на Израиля, и сказал Он: за то, что народ сей преступает завет Мой, который Я поставил с отцами их, и не слушает гласа Моего, и Я не стану уже изгонять от них ни одного из тех народов, которых оставил Иисус, [сын Навин, на земле,] когда умирал, - чтобы искушать ими Израиля: станут ли они держаться пути Господня и ходить по нему, как держались отцы их, или нет? И оставил Господь народы сии и не изгнал их вскоре и не предал их в руки Иисуса (Суд.2:20-23).*

Итак, те чуждые древнему Израилю народы, которые были оставлены на земле обетованной для того, чтобы искушать его, я бы сравнил с девятью Музами, дочерьми Зевса, олицетворяющими девять сторон художественной деятельности человека: поэзию, музыку, танцы, трагедию, комедию и т.д. Эти Терпсихоры, Мельпомены, Талии и прочие музы призваны искушать новых израильтян, т.е. христиан, как в своё время искушали богоизбранный народ не изгнанные из земли обетованной народы на предмет того: *станет ли он держаться пути Господня и ходить по нему, как держались отцы их, или нет?*

О том, что светское искусство попущено Богом для того, чтобы искушать верующих, говорит не только Ветхий, но и Новый Завет. *Сказал также Иисус ученикам: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих* (Лк.17:1,2). Эти Евангельские слова относятся ко всякого рода соблазнам, в том числе и к художественным, и они не могут не потрясать. Ещё бы! Человеколюбец Христос прямо говорит о смертной казни как о полезнейшем для искусителя наказании. Лучше ему умереть, нежели жить. Как так лучше? Что может быть хуже смерти? Уразуметь эти слова Господа, что лежать в море с камнем на шее, – это лучшая участь соблазнителя, может только верующий человек. Верующий и знающий, что со смертью жизнь не кончается, но продолжается вечно. И для вечной жизни лучше соблазнителю принять краткую телесную смерть, нежели мучиться вечно за то, что *он соблазнил одного из малых сих*.

С другой стороны, эти слова Евангелия от Луки не могут не вызвать таких вопросов. Почему Богом возвещается горе тем, кто приводит соблазны, если они необходимо должны придти? Почему лучше было бы соблазнителю, *если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море*, если он делает то, что надобно сделать – произвести соблазн?

Дело здесь в следующем. Соблазн – обратная сторона свободы. Одно без другого быть не может, как не может быть лицевой стороны ткани без изнаночной. Попробуйте оторвать у ткани изнаночную сторону. Это, конечно, невозможно. В этом именно смысле *надобно придти соблазнам* (Мф.18:7) – в смысле невозможности оторвать соблазн от свободы, а не в том смысле, что соблазны непременно должны прийти.

То же с соблазнителями. Спрашивается, за что их топить, если они выполняют нужную общественную работу? За что, например, проклинать Иуду? Ведь не было бы его, не было бы крестной жертвы Спасителя, не было бы и нашего спасения. Стало быть, всем христианам надо поклониться Иуде за то, что он их спас своим предательством?

Или другой пример. Ждущие Господа должны прежде дожидаться антихриста, ибо день Христов *не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом...*(2Фесс.2:3). Значит все, кто приближают воцарение антихриста (в том числе работники современного искусства, телевидения и интернета), приближают приход Господа. Значит, честь и слава всем труженикам антихриста, поскольку они приближают второе Христово пришествие?

К таким безумным выводам приходит тот, кто думает, что соблазн находится не внутри, но вне человека, что соблазн это некая внешняя сила, воздействие которой прекратится, стоит только отгородиться от неё. Да, конечно, можно оградить человека от соблазнов искусства, но это значило бы лишить его свободы. Можно потопить всех соблазнителей, но это значило бы потопить всех людей, потому что каждый прежде всего сам для себя, а потом уже для других – соблазнитель. Стало быть, весь вопрос о соблазнах заключается в том, как человек пользуется дарованной ему от Бога свободой, как он сам себя ограждает, насколько он сам, а не кто-то и не что-то, но сам человек, будучи своим самодержавным властителем, способен управлять собой, способен отделять подлинное искусство, приближающее его к Богу, от искусства лживого, прелестного, погубительного.

Не всякому искусству веруйте, возлюбленные, но испытывайте искусство: от Бога ли оно? Это видоизменённые слова апостола Иоанна Богослова: *Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире.* (1Ин.4:1). Иными словами, важно уметь различать духов, воздействующих на людей через искусство.

До 1917 года на Торжество Православия в православных храмах возглашались 12 анафематизмов. Первый из них: «Отрицающим бытие Божие и утверждающим, яко мир сей есть самобытен и вся в нем без

Промысла Божия и по случаю бывает: анафема». Этой анафеме подпадает почти вся советская наука и культура, а вместе с ними почти все так называемые творческие работники бывшего СССР. Если же к этому анафематизму добавить 5-й по счёту анафематизм: «Неприемлющим благодати искупления Евангелием проповеданного, яко единственного нашего ко оправданию пред Богом средства: анафема», то выходит, что почти всё, что мы видим, слышим и читаем **вне церкви** в так называемом искусстве – проклято.

Итак, исходя из того положения, что всё потребное для удовлетворения художественных потребностей человека имеется в церкви (а это несомненно так, потому что церковь является земным образом Небесного Царства), я считаю, что все другие образы, не входящие в церковный круг, только тогда полезны для души, когда с ними ведётся брань. Нецерковные образы могут научить христианина «разумному, доброму, вечному» только через войну с ними. *Благословен Господь Бог мой, научай руце моя на ополчение, персты моя на брань* (Пс.143:1) и ум мой на сопротивление мирским образам.

Если же образы мирского искусства претендуют на вхождение в церковный обиход, то они должны быть подвергнуты длительному испытанию. Причём, поскольку цена этого испытания самая высокая, а именно – спасение или гибель души, то проверка образов поэзии, живописи, музыки, претендующих на вхождение в церковное искусство, или даже на то, чтобы стоять рядом с церковным искусством (как, например, сейчас рядом с книгами святых отцов в церковных лавках стоят произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского и т.д.), должна быть самой строгой.